

УДК 392.3

Семья, эротика, секс и любовь в эпоху постмодерна

Волков Владимир Николаевич

Доктор философских наук, профессор кафедры управления,
социально-культурной деятельности и туризма,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
123007, Российская Федерация, Москва, ул. 5-я Магистральная, д. 5;
e-mail: vnickvo@gmail.com

Аннотация

Из всех перемен, происходящих в мире, для нас важнее всего те, что затрагивают нашу личную жизнь – секс, любовные отношения, брак и семью. Сексуальность человека задана биологией и необходима для продолжения человеческого рода. И тем не менее секс постоянно находит своё отражение в публичной сфере. Культура пронизана воспеванием/осуждением сексуального наслаждения, табуированием/разрешением сексуальной темы, обсуждением любовных походов, созданием и комментированием эротических историй. Что осталось бы от культуры, если можно было бы изъять сексуально-эротическо-любовную тематику из литературы, кинематографа, театра? Темы «пол и гендер», «эротика и порнография», «приватность и публичность в сексуальных отношениях» активно дискутируются, обсуждаются, находятся в центре общественного внимания. Сегодня наше восприятие самих себя и характер наших связей и контактов с другими людьми переживают глобальную революцию. В статье рассматриваются западные социологические концепции, посвящённые анализу изменений в интимной сфере человеческой жизни при переходе от модерна к постмодерну. В работе демонстрируется, что переход к постмодерну связан с движением общества от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения.

Для цитирования в научных исследованиях

Волков В.Н. Семья, эротика, секс и любовь в эпоху постмодерна // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 3. – С. 35-57.

Ключевые слова

Семья, брак, секс, интимность, эротика, любовь, модерн, постмодерн.

Введение

В семидесятые годы XX века американский социолог Рональд Инглхарт разработал теорию постматериализма, в которой предложил новые подходы к исследованию ценностей и их изменений от поколения к поколению. Центральными понятиями этой теории являются термины «постматериальный» и «постматериалист».¹ Инглхарт полагает, что именно из-за достижения высокого уровня экономической безопасности население индустриальных стран стало делать упор на «постматериальные» ценности, отдавая приоритет не экономическому росту, а качеству жизни. По его мнению, только в состоянии сильного стресса индивиды нуждаются в твёрдых предсказуемых правилах. Им нужна уверенность в том, что будет происходить; они нуждаются в максимальной предсказуемости, ибо у них имеется скудный допуск на ошибку. «Постматериалисты», выросшие в условиях относительной безопасности, терпимо относятся к большей неопределённости и готовы принять изменения и отклонения от привычных моделей экзистенциальных потребностей.

Семья и секс в эпоху «материализма» и «постматериализма»

Религиозные нормы, говорит Инглхарт, как правило, функциональны, некоторые из них (например, «не прелюбодействуй», «почитай отца твоего и

1 Inglehart R. F., Norris P. *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6-33; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

мать»)), связаны с обеспечением сохранности семейной ячейки. Различные варианты этих норм встречаются практически в каждом обществе на земле. Но в передовых индустриальных обществах многие традиционные нормы и функции утратили прежнее значение. Так, например, роль семьи уменьшилась. Если когда-то семья была ключевой экономической единицей, то в индустриальном обществе трудовая жизнь индивида в основном осуществляется вне дома, а воспитание происходит вне семьи. Ещё вчера выживание детей зависело от того, обеспечат ли их средствами к существованию родители, а выживание постаревших родителей зависело от их детей. Инглхарт утверждает, что сейчас роль семьи во многом взяло на себя государство. Новое поколение способно выживать в случаях распада семьи и даже в отсутствии обоих родителей. Неполные семьи и бездетные старики ныне располагают лучшими шансами на выживание, чем когда-либо прежде.

Сегодня, считает Инглхарт, функциональная база норм, нацеленных на укрепление полной семьи, оказалась размыта. В силу ряда причин – от появления государства благосостояния до резкого снижения детской смертности (означающего, что супругам для воспроизводства населения уже не обязательно производить на свет четверых – пятерых детей) – происходит ослабление норм, поддерживающих полную гетеросексуальную семью. Сейчас идёт экспериментирование, возникают и упрочиваются отклоняющиеся от традиционных норм формы поведения. Инглхарт обращает внимание на то, что группами, склонными принять их, оказываются в большей мере молодые, чем пожилые, и в большей мере те, кто чувствует себя в относительной безопасности, чем ощущающие отсутствие таковой.

Согласно Инглхарту, в области сексуального поведения, репродуктивности и семьи увеличивается тенденция отхода от тех жёстких норм, которые в аграрном обществе являли собой функциональную необходимость. Со сдвигом к постмодерну сопряжены изменения основных социальных норм – от норм, связанных с обеспечением выживания и продолжения рода человеческого, до норм, связанных со стремлением к достижению индивидуального благополучия. «Постматериалисты», считает Инглхарт, проходили личностное становление в условиях безопасного существования, поэтому они снисходительней

и терпимей, чем «материалисты» и пожилые, в своём отношении к аборту и эвтаназии, разводу, внебрачным отношениям, проституции, гомосексуализму. «Материалисты» же скорее склонны быть приверженцами традиционных социальных норм, поощрявших деторождение – но только в рамках традиционной полной семьи – и резко клеймивших всякую сексуальную активность вне этих рамок.

В аграрных обществах традиционные способы контрацепции были ненадёжны, и дети, если только они не рождались в семье с мужчиной-кормильцем, скорее всего были обречены на голод. Половое воздержание вне брака являлось ключевым средством сдерживания роста численности населения. Практически во всех доиндустриальных обществах упор делался на рождении и воспитании детей как на главной задаче женщины, её важнейшей функции в жизни и величайшем источнике удовлетворения. В последние годы такая перспектива всё более ставится под вопрос, по мере того как растёт число женщин, откладывающих деторождение или полностью отказывающихся от материнства ради карьеры. Развитие эффективной технологии регулирования рождаемости подорвало функциональную основу традиционных норм. Сдвиг к постматериализму и упадок традиционных религиозных и сексуальных норм идут нераздельно, их причина – беспрецедентно высокие уровни экзистенциальной безопасности, достигнутые в современном индустриальном обществе. Именно в наиболее продвинутых государствах благосостояния массовая приверженность традиционным религиозным и семейным нормам претерпела наиболее стремительный спад. Это не случайное совпадение. Эти факторы привносят перемену в важный аспект мироотношения людей: повсюду в передовом индустриальном обществе падает уважение к власти и авторитету, – констатирует Инглхарт.

Пластичная сексуальность

Проблемы семьи, брака, секса, эротика, любви не обошёл своим вниманием известный английский социолог Энтони Гидденс, который ввёл в научный оборот понятие «пластичный секс». По мнению Гидденса, пластичная

сексуальность – это децентрализованная сексуальность, освобождённая от репродуктивных потребностей. Он обращает внимание на то, что около ста лет назад, когда эротизм был тесно связан с сексуальной репродукцией, культурные традиции вынуждали мужчин и женщин соответствовать точным стандартам мужского и женского поведения. Отведённые им роли в репродуктивном сексе требовали длительных отношений между партнёрами. В традиционных обществах основная масса населения рассматривала половой акт почти исключительно с точки зрения необходимости зачатия новой жизни. Именно для этой главной цели создавался институт моногамного брака. Именно эту цель освящает религиозная мораль христианства, жёстко осуждая любые иные цели и эротизм в целом. «Половой акт совершается по суровой необходимости, а отнюдь не для удовольствия» – именно такая мысль лежит в основе большинства норм половой морали, господствующей в традиционном обществе. При таком отношении (особенно при отсутствии надёжных контрацептивов) любой половой акт был практически неотделим от последующего деторождения, и в тех случаях, когда беременность была по каким-либо причинам нежелательна, это само по себе служило достаточно важным стимулом для воздержания, отказа от полового акта. То была эра нормы, и граница между нормальным и аномальным была чётко проведена и строго соблюдалась.

В традиционном обществе, говорит Гидденс, патриархальная семья выполняет роль основной хозяйственной единицы.² Мужчина – отец семейства – здесь не просто муж, отец, кормилец и добытчик. Он – глава производственного предприятия. Это относилось и к крестьянству, и к ремесленникам, и к купечеству, и даже к представителям военных сословий. В пре-модернистской Европе большинство браков заключалось по контракту – не столько на основе взаимного сексуального притяжения, сколько по экономическим обстоятельствам. До конца XVIII столетия о любви всегда говорилось в связи с браком, это была как бы любовь компаньонов, связанная со взаимной ответственностью мужей и жён по ведению домашнего хозяйства. «Только в аристократических группах имелась определённая сексуальная привилегия, открыто допускаемая

2 Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – С. 11.

для «респектабельных» женщин. Сексуальная свобода следует за властью и является выражением её; в определённые времена и в определённых местах женщины были в достаточной мере освобождены от требований воспроизводства и от рутинной работы, чтобы располагать возможностями для поисков собственного сексуального наслаждения. Конечно, фактически оно никогда не было связано с браком».³

На протяжении XIX столетия формирование брачных уз для большинства групп населения перестало основываться на экономических ценностях. Понятия романтической любви просочились во многие сферы жизни. «Романтика» стала синонимом ухаживания, а «романы» были первой формой литературы, достигшей масс. Распространение идей романтической любви было одним из факторов, ведущих к вычленению брачных уз из более широких родственных связей и к приданию им отдельной особой значимости.

Гидденс указывает на то, что муж сохранял за собою высшую власть, однако возрастающий акцент на важности эмоциональной теплоты между родителями и детьми нередко смягчал применение этой власти. Женский контроль над воспитанием детей возрастал по мере того, как семья уменьшалась в размерах и детей начинали считать существами уязвимыми и нуждающимися в длительном эмоциональном воспитании. Центр домохозяйства смещается от патриархальной авторитарности к материнскому влиянию. Идеализация матери была одной из черт современной конструкции материнства, и она подпитывала некоторые ценности, распространяемые по поводу романтической любви. Имидж «жены и матери» усиливал «двуполюю» модель действий и чувств. Мужчины начинали осознавать женщин как существ иных, неизвестных – относящихся к особой области, совершенно им чуждой. Идея о том, что каждый из полов являет собою тайну для другого пола, представлена в разнообразных формах в различных культурах. Гидденс выделяет ассоциацию материнства с женственностью как отчётливо романтический элемент качества индивидуальности – качества, которое формировалось концепциями женской сексуальности.

Комплекс романтической любви находился под контролем ассоциации любви с браком и материнством и под влиянием идеи, что подлинная любовь,

3 Там же. – С. 64.

будучи однажды найденной, остаётся навеки. Когда брак для большинства населения был навсегда, равенство между романтической любовью и сексуальным партнёрством было очерчено достаточно чётко. Однако эффективный брак мог поддерживаться только разделением труда между полами, где сферой влияния мужа был оплачиваемый труд, а сферой женщины – домашняя работа. Ограничение женской сексуальности пределами брака было признаком «респектабельной» женщины. Это позволяло мужчине поддерживать дистанцию от сферы интимности и удерживало состояние замужества в качестве первичной цели женщин.

Современное технологичное и бюрократизированное производство вытеснило семью из её древней производительной роли. Даже в аграрном секторе семейные фермы оттесняются на задворки сельскохозяйственного производства, уступая место крупным предприятиям, организованным по индустриальному принципу. Это снижает доминирующую социальную роль мужчины в современном обществе. Женщина же, подчёркивает Гидденс, напротив, всё активнее вовлекается в производственный процесс принципиально нового типа, где она всё чаще становится вровень с мужчиной. Как результат – женщина приобретает всё большую экономическую самостоятельность и независимость. Это вносит серьёзный вклад в усиление нестабильности моногамной семьи. Дело в том, что женщина перестаёт ощущать свою экономическую зависимость от мужа.

Отделение секса от необходимости в воспроизводстве

Особенно важный фактор в возникновении сексуальности – давление необходимости иметь большую семью – сменилось тенденцией к ограничению размеров семьи, и довольно жёсткими способами. «Такая практика, являя собою по внешней видимости невинную демографическую статистику, поместила палец на исторический спусковой крючок именно в том, что было связано с сексуальностью. Впервые для массовой популяции женщин сексуальность оказалась отделённой от хронического круга беременности и деторождения»⁴.

4 Там же. – С. 33.

По Гидденсу, сексуальность вошла в человеческое бытие как часть прогрессирующего отделения секса от необходимости в воспроизводстве. Создание пластичной сексуальности, отделившейся от прежней интеграции её с репродукцией, родством и потомством, было предварительным условием сексуальной революции последних десятилетий. Теперь сексуальность стала полностью автономной. Воспроизводство сегодня может происходить вообще в отсутствие сексуальной активности; это полное «освобождение» сексуальности, которая отныне может стать всецело качеством индивидов и их взаимодействия друг с другом.

Семейные институты сформировались как комплекс норм, которые воплощают для людей эпохи модерна решения проблемы обладания личной жизнью, удовлетворения психофизиологических потребностей. В условиях модерна утверждается «открытый» характер сексуальной самоидентичности. Человек задаёт вопрос «кто я?» в контексте возможных половых ролей, определяющих стиль жизни. Сексуальность превращается в форму самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности. В эпоху постмодерна базовые элементы брачно-семейных практик модерна становятся виртуальными. Сексуальность как совокупность биопсихических реакций и переживаний замещается практиками создания, поддержания и варьирования образа сексуальности-сексапильности: одежда, уход за телом, косметика, эротизация поведения. Виртуализация семейных отношений очевидна в гомосексуальных семьях: в них симулируются брачное поведение и супружество, исполнение поло-возрастных ролей, характерных для гетеросексуального общества. На базе интернета создаётся и развивается глобальная сфера виртуального секса.

В эпоху постмодерна любовь и брак всё меньше определяются реальными потребностями и всё больше становятся производной от образов сексуальности и семьи, конструируемых индивидами, а чаще заимствуемых у масс-медиа.⁵ Физиологические потребности удовлетворяются без жёсткой

5 Жан Бодрийяр считал, что люди уже неспособны переживать своё телесное существование как таковое. Пролиферация образов, преимущественно телесных образов, сделала людей зависимыми от визуального переживания своего тела и тел других. Вместо переживания непрозрачности тела, под влиянием новых медиа люди стремятся к переживанию образов тела. Вместо переживания собственного тела они ищут образы тела. В

идентификации, без официального принятия обязательств в отношении партнёра и потомства. Ныне санкционируется практически любая ориентация сексуального поведения. Сексуальная свобода находит выражения в практике «открытых отношений», «пробного брака» – партнёрства/сожительства, гомосексуальных союзах. Посредством санкционированной сексуальной свободы и прогресса секс-индустрии и контрацепции сексуальность отделилась от репродукции, стала автономной. «Эффективная контрацепция означала больше, нежели просто возрастающие возможности ограничения беременности. В сочетании с другими факторами, воздействовавшими на размеры семьи..., она означала глубокий переход в личной жизни. Для женщин – и отчасти для мужчин, хотя и в ином смысле, – сексуальность стала потенциальной «собственностью» индивида, поддающейся обработке и открытой для формирования различными способами».⁶ Согласно Гидденсу, сейчас про-креативная функция сексуальности отделилась от ре-креативной, и это заставляет по-иному взглянуть на такой способ сексуальной практики, как гомосексуализм. Именно в отношениях геев – и мужчин, и женщин – сексуальность полностью отделяется от воспроизводства.

В эпоху модерна, в условиях культурно санкционированных и финансово обеспеченных сексуальной свободы и социальной защиты, семья функционирует в качестве постоянного и социально признаваемого союза разнополых эго, нацеленного на материальную и эмоциональную взаимопомощь и «воспроизводство» потомства. Семейные отношения формируются и поддерживаются по соображениям достижения статуса, материального благополучия, общественного одобрения и т.п. Виртуальные семьи эпохи постмодерна поддерживаются не соображениями выгоды или подчинения окружающим, а аффективными «мы» – образами, сконструированной гармонией идентичностей. В виртуальных семьях образ, идея семьи преобладают над реальными отношениями. Виртуальные партнёры и виртуальные роли замещают недостаток или

своих поисках образов тела люди создают новые формы коллективного воображаемого, формирующего заодно и их индивидуальное воображаемое. Распространение образов – вот что характеризует сегодняшние общества и культуры.

6 Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.

отсутствие реальных. Базовые компоненты брачно-семейных практик модерна (любви/заботы) – сексуальность, супружество, родительство – симулируются, а институты – брак, родство, воспитание – виртуализируются.⁷

Секс, эротизм и любовь

Зигмунт Бауман утверждает, что секс, эротизм и любовь связаны между собой, но существуют отдельно. Они едва ли могут обойтись друг без друга, но их существование проходит в непрерывной войне за независимость. Граница между ними является предметом горячих споров или же местом оборонительных баталий или вторжений. Из всех них именно на сексе лежит самый слабый отпечаток человеческого. Действительно, секс – продукт природы, а не культуры, он присущ и многим другим видам живых существ. В своей естественной форме, не испорченный культурой, секс всегда остаётся прежним. В статье «Секс в эпоху постмодерна»⁸ Бауман цитирует Теодора Зелдина, который заметил, что «большой прогресс достигнут в кулинарии, чем в сексе».⁹ Всё это так, соглашается Бауман, но эротическая сублимация секса, фантазии на тему секса и различные секс-заменители бесконечно разнообразны. Вся «история секса» представляет собой историю культурной манипуляции им. Начинается

7 Пьер Бурдьё рассматривает подобную виртуализацию и симуляцию с точки зрения знаковых различий: «Социальное пространство... представляет собой совокупность агентов, наделённых различными и систематически взаимосвязанными свойствами: те, кто пьёт шампанское, противопоставляются тем, кто пьёт виски, но они противопоставляются также, другим образом, тем, кто пьёт красное вино; однако у тех, кто пьёт шампанское, больше возможностей иметь старинную мебель, заниматься гольфом, верховой ездой, ходить в театры и т. д., чем у тех, кто пьёт виски, и бесконечно больше, чем у тех, кто пьёт красное вино. Такие свойства, когда они воспринимаются агентами, наделёнными соответствующими категориями перцепции, способными видеть, что игра в гольф «изображает» традиционную крупную буржуазию, функционируют в самой действительности социальной жизни как знаки. Различия функционируют как знаки и как знаки отличия (позитивного или негативного)...» (См.: Бурдьё П. Начала // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast>).

8 Bauman Z. On Postmodern Uses of Sex // Theory, Culture & Society: Love & eroticism / Ed. by M. Featherstone. – London: Sage Publications, 1999. – P. 19.

9 Zeldin Th. An Intimate History of Humanity. – New York: Harper Collins, 1994. – 613 p.

всё с появления эротизма – культурной уловки, отделившей сексуальный опыт (в смысле переживаний, а не навыков) и особенно удовольствие, связанное с этим опытом, от размножения – главной функции и цели секса. Особи, воспроизводящие себе подобных с помощью секса, как правило, наделяются такими запасами сексуальной энергии и способностями к сексуальным контактам, которые значительно превосходят необходимые для процесса воспроизводства. Эротизм не является культурным подвигом и ни в коем случае не должен представляться как акт совершенного над природой насилия, как «неестественный» акт. «Природа фактически принуждает человеческий разум к изобретательности, не более чрезмерной, чем чрезмерна она сама в выбрасывании огромного, излишнего и неиспользуемого запаса сексуальной энергии и желания. Этот избыток и есть постоянное приглашение к культурной изобретательности. Цели, на которые этот репродуктивно избыточный и остающийся неиспользованным излишек может быть обращён, – это творение культуры».¹⁰

Эротизм, говорит Бауман, занят утилизацией этих излишков. Он зависит от наполнения сексуального акта дополнительным смыслом, более высоким, чем выполнение репродуктивной функции, и выходящим за её рамки. Люди не были бы эротическими созданиями, если бы они не были сексуальными существами; сексуальность – это единственная почва, в которую сеются и из которой взрастают семена эротизма. Эротизм находит свои истоки в репродукции, но с самого начала выходит за её пределы. Репродукция, эта сила, дающая ему жизнь, вскоре превращается в ограничительные рамки. Чтобы иметь свободу действий, использовать по своему усмотрению дополнительные возможности к сексуальности, эротизм должен быть «пересажен» в другую почву; культура должна отделить сексуальное удовольствие от репродукции.

Бауман обращает внимание на то, что на протяжении нового времени за доминирующую роль боролись друг с другом две культурные стратегии. Первая, поддерживаемая законодательной властью государства и идеологической властью церкви и школы, предполагала усиление ограничений, налагаемых репродуктивными функциями секса на свободу эротического воображения,

10 Bauman Z. On Postmodern Uses of Sex // *Theory, Culture & Society: Love & eroticism* / Ed. by M. Featherstone. – London: Sage Publications, 1999. – P. 20.

что направляло не поддающуюся контролю сексуальную энергию в замалчиваемые культурой и осуждаемые обществом сферы – порнографию, проституцию и незаконные, то есть внебрачные, связи. Вторая была романтической стратегией разрыва связи эротизма с сексом и вместо этого установления такой связи с любовью.

В рамках первой стратегии эротизм вынужден был оправдывать своё существование через сексуальную (репродуктивную) полезность, в то время как третий элемент – любовь – являлся желанным, но не слишком обязательным украшением. Секс был «культурно нем», он не имел собственного языка, который признавался бы обществом, становился бы средством социального общения. Во второй стратегии любовь признаётся единственным законодателем, а эротизму отводится образ её прислуги, в то время как его связь с сексуальностью не одобряется или сводится к роли несущественного атрибута. Обе стратегии допускали, что культурная манипуляция и перераспределение избыточной сексуальной энергии нуждаются в оправдании, не будучи в состоянии существовать независимо, иметь собственные цели или обладать особым смыслом. Обе стратегии исходили из того, что, предоставленная самой себе, эротическая изобретательность человека может легко выйти из-под контроля, разрушая человеческие отношения; следовательно, необходимы авторитетные силы, способные удерживать её в приемлемых рамках.

Будучи эротизмом, свободным от условностей, ничем не связанным, непокорённым, отпущенным на свободу, эротизм эпохи постмодерна свободен вступать в любые союзы и покидать их по расчёту, но при этом оказывается лёгкой добычей сил, стремящихся использовать его способности обольщения. Чтобы осуществить культурную революцию, по масштабу и глубине сравнимую с революцией, проявившейся в эмансипации эротизма от сексуальной репродукции и любви, требуется нечто большее, чем жажда наживы, свободная конкуренция и совершенствование массовой рекламы. Чтобы быть использованным как экономический фактор, эротизм должен подвергнуться культурной обработке и ему должна быть придана форма, подходящая для потенциального товара.

Согласно Бауману, эротизм постмодерна не вступает в союз ни с сексуальным воспроизводством, ни с любовью; он объявляет себя единственной

причиной и целью. Сегодня самодостаточность эротизма, свобода поиска сексуальных удовольствий ради них самих поднялись до уровня культурной нормы. Мир личных чувств теряет всякие границы; он более не ограничен извне публичным миром. Разрушение прочной публичной жизни деформирует личные отношения, физическая любовь трансформируется из эротизма в сексуальность. Эротизм предполагает социальные отношения, сексуальность связана с персональной идентичностью. Эротизм связан с выбором, взаимодействием. Сексуальность же – не действие, а состояние: физический акт любви – это естественный результат для людей, испытывающих интимные чувства.

Ричард Сеннет полагает, что язык эротизма буржуазии XIX века был почти полностью пропитан страхом и, как следствие, выражался через фильтр подавления. Большая часть современного общества восстала против страха и подавления, и это всё к лучшему. Однако в современном обществе возник протест против того мнения, что физическая любовь должна иметь правила, ограничения, стереотипы. Секс мыслится в качестве средства раскрытия самости. Сеннет утверждает, что таким образом новое рабство заменило старое. Мы воображаем, что сексуальность определяет большую область того, кто мы есть, и что мы чувствуем. Однако сексуальность энтропична: всё, что мы испытываем, должно некоторым образом затрагивать нашу сексуальность. Мы обнаруживаем её, мы открываем её, мы примиряемся с ней, однако мы не подчиняем её. Сеннет указывает, что викторианцы учились у своей эротической жизни, хотя это обучение и было столь болезненно трудным из-за усилий подавления. «Мы же, – говорит он, – сегодня не учимся «у» секса, потому что это помещает сексуальность вне нас; вместо этого, мы бесконечно и безрезультатно ищем себя посредством гениталий».¹¹

Согласно Бауману, сексуальное наслаждение есть высший предел ощущений, доставляющих удовольствие; фактически оно становится образцом, с которым сравниваются все другие виды наслаждений и по отношению к которому все они оказываются в лучшем случае лишь бледным отражением, а в худшем – слабой имитацией или подделкой. Эротизм – это «культурная обработка» секса, сам по себе секс характеризуется врождённой монотонностью и

11 Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – С. 13-14.

прямотой. Секс есть природное, а не культурное явление, и почти не оставляет места свойственной культуре изобретательности. В образах эпохи постмодерна сексуальная активность сфокусирована на эффекте оргазма, секс постмодерна направлен только на оргазм. Его главнейшая задача – поставлять всё более сильные, бесконечно разнообразные переживания; однако в этой области вряд ли можно достичь окончательного результата, и поэтому достижение высшего сексуального опыта остается вечной проблемой, никакой фактический сексуальный опыт не является совершенным, и, тем самым, ничто не устраняет необходимости в дальнейших тренировках, рекомендациях, советах, рецептах, лекарственным препаратами или технических приспособлениях.

Секс, любовь и проблема бессмертия

Мы все теряем близких, стареем, из красавцев превращаемся в уродов, рано или поздно умрём. Нужно прежде всего то, что создаёт экзистенциальную защиту, иллюзию осмысленного бытия, благодаря которой мы начинаем ощущать себя сильными, красивыми, бессмертными. Секс есть изобретённое природой эволюционное решение проблемы непрерывности, длительности форм жизни, он противопоставляет смертность каждого отдельного живого организма бессмертию видов. Только люди сознают эту ситуацию; только люди знают, что они обречены умереть; только люди представляют себе бессмертие человеческого рода; только для них кратковременное существование тела происходит в тени бессмертия человечества в целом. Подобное знание имеет гигантские последствия; оно является главным фоном и важнейшим источником динамики человеческих культурных новаций, которые, как правило, есть лишь изобретения, предназначенные для того, чтобы сделать продолжительность существования социальных форм защищённой от быстротечности и врождённой обречённости на гибель отдельных людей.

Бауман убеждён, что секс является материальным субстратом этого культурного производства бессмертия; образцом усилий, направленных на преодоление смертности отдельного человека и выведения его существования за пределы жизненного срока, отпущенного отдельной личности. Секс вовле-

чен в одно из самых впечатляющих чудес культуры: магическое превращение смертности в бессмертие, преходящего – в вечное, мимолетного – в нетленное. Загадка этого чуда пропитывает каждый сексуальный акт: общность двух смертных существ проживается как рождение бессмертия.

Пребывая по другую сторону эротизма, любовь представляет собой эмоциональную и интеллектуальную сверхструктуру, построенную на основе сексуальных различий и их сексуального единения, и тем самым наделяющую секс богатыми и бесконечно расширяющимися значениями, защищающими и усиливающими его способность превращать смертность в бессмертие. Любовь есть преодоление противоречия между быстротечностью жизни сексуальных объектов и долговечностью их репродукции, которое прозаично достигается во время сексуального акта.

Любовь другого смертного человека – один из главных путей в бессмертие, созданных культурой. Любовь, как и секс, является источником неизлечимого беспокойства, так как оно отягощено предчувствием неудачи. В любви надежда и обещание «вечной любви» вкладываются в объект, никоим образом не являющийся вечным; бессмертие любви и любимого – это предлагаемая культурой ложь во спасение, помогающая принять то, что в действительности не поддаётся пониманию. Смертный человек любим, как будто он бессмертен, и он любим смертным человеком так, как это доступно только бессмертным творениям, говорит Бауман.

Общей характеристикой постмодерна является то, что он сжимает время и сокращает восприятие бесконечно расширяющегося потока до ощущения текущего мгновения или же расчленяет его на ряд самодостаточных эпизодов, каждый из которых должен проживаться, оставляя глубокое ощущение быстротечного момента, при этом отделяясь как от своего прошлого, так и от возможных будущих последствий. Присущая постмодерну версия бессмертия предполагает жизнь, проживаемую мгновенно и приносящую наслаждения здесь и сейчас; она уже больше не является заложницей безжалостного и неконтролируемого течения объективного времени.

Анализируя процесс постмодернистского «разрушения бессмертия», Зигмунт Бауман приходит к выводу, что он идёт параллельно с отделением

эротизма как от сексуальной репродукции, так и от любви. Это обеспечивает эротическому воображению и практике, как и остальным сферам жизни в постмодерне свободу эксперимента. Эротизм, освободившийся от репродуктивных и любовных ограничений, как будто специально создан для сложных, подвижных личностей времён постмодерна. Секс, свободный от репродуктивных последствий и длительных любовных прелюдий, может быть заключён в рамки эпизода. Свободно кочующий эротизм в высшей степени подходит для задачи достижения такого типа личности, которая, как и все культурные продукты постмодерна, ориентирована на максимальное воздействие и мгновенное устаревание.

Бауман утверждает, что наиболее яркой характеристикой эротической революции эпохи постмодерна является разрыв уз, связывавших эротизм, с одной стороны – с сексом, и с другой – с любовью. В культуре постмодерна заложены предосторожности, обеспечивающие освобождение эротически вдохновленной активности от ограничений, биологически налагаемых репродуктивным потенциалом секса, а культурно – требованиями вечной любви и эксклюзивной верности. Таким образом, эротизм освобождается от звеньев, связывающих его с производством бессмертия – как физического, так и духовного. Только в таком свободном и независимом виде эротизм может свободно плыть под парусами поиска удовольствия, не сбиваясь с пути, не утрачивая мужества от преследований со стороны чего-либо, кроме эстетических, то есть ориентированных на переживания, проблем. Он свободен устанавливать собственные правила по мере своего развития.

Призывы к возврату семейных ценностей, разглагольствования о том, что семья – это основная ячейка общества, означают всего лишь то, что государство расписывается в собственном бессилии. Институт семьи сейчас переживает кризис. Зигмунт Бауман отмечает, что модель долговременных человеческих отношений выражена во фразе, которая произносится священником во время бракосочетания «...в радости и в горе, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас». В действительности же, говорит он, партнёры предпочитают быть вместе только до той поры, пока это устраивает обоих. Как только кого-то одного отношения перестают удовлетворять, он оставляет за собой право

разрушить этот союз. Получается, что по воле одного из партнёров всё может быть аннулировано, тогда как для начала отношений необходимо согласие обоих. Оба живут в постоянном страхе, что кто-то из них вдруг решит, что с него хватит. Это делает институт семьи очень хрупким. Следует признать, говорит Бауман, что возврата к прежним семейным ценностям уже никогда не произойдёт.

Что есть норма?

В работе «Индивидуализированное общество» Зигмунт Бауман сосредоточивается на анализе связей между эротической революцией и другими аспектами возникающей культуры постмодерна. Первый аспект – это коллапс «всеобъемлющей» модели защиты и поддержания установившегося социального порядка, институтов, воспроизводивших дисциплинарные практики. Среди таких институтов два обладали решающим значением для выполнения этой функции: промышленные фабрики и основанная на всеобщей воинской повинности армия. Чтобы выполнять своё предназначение, эти учреждения нуждались в мужчинах, пригодных для промышленного труда на фабриках и выполнения армейских обязанностей. Неспособность к фабричному труду на промышленном предприятии и непригодность к военной службе означали освобождение от контроля и муштры. Так способность работать и сражаться стала мерилем «нормы», в то время как неспособность к этому оказалась эквивалентом социальной аномалии, отклонением от нормы, подлежащей либо медицинскому лечению, либо уголовному наказанию. Медицина дала этой норме название здоровья. «Здоровый человек» был персоной, способной предпринять определённый объем физических усилий, который требовался для производительной работы и/или военных подвигов; тем самым норма, определяющая оценку состояния здоровья, стала «объективно измеряемой».¹²

Современному обществу не нужны ни массовый промышленный труд, ни массовая, основанная на воинской повинности, армия. Эпоха, на протяже-

12 Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. – М.: Логос, 2005. – С. 282-283.

нии которой фабрики и войска были основными институтами поддержания порядка, закончилась. Но то же самое произошло и с всевидящей властью как главным средством социальной интеграции, и с нормативным регулированием как главной стратегией поддержания порядка. Большинство людей нуждаются сегодня в творчестве, а не в нормативном регулировании. Они выросли и сформировались в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта, а не как производители и солдаты.

В своём Введении к «Истории сексуальности» Мишель Фуко убедительно доказал, что во всех своих проявлениях, независимо от того, были ли они известны с незапамятных времён или обнаружены лишь недавно, секс служил для выражения новых, свойственных модерну, механизмов власти и общественного контроля, утверждению и сохранению норм, правил, регламентов¹³. Бауман полагает, что сегодня уже неясно, что есть «норма» и как ей следовать. Ослабление межличностных связей, отчуждение от господствующей морали представляется важным условием, порождающем собирателей ощущений, которые при этом являются эффективными потребителями. Если когда-то, на заре эры модерна, отделение бизнеса от домашнего хозяйства позволило первому подчиниться жёстким требованиям конкуренции, оставаясь глухим ко всем прочим, особенно моральным, нормам и ценностям, то нынешнее отделение эротизма от других межличностных отношений позволяет ему безоговорочно подчиниться эстетическим критериям сильных переживаний и чувственного удовлетворения.

Но, предупреждает Бауман, за такой выигрыш придётся дорого платить. В эпоху переоценки ценностей и пересмотра исторически сложившихся привычек никакая норма человеческого поведения не может быть принята как данное, и ничто долго не остаётся неоспоримым. Погоня за удовольствием пронизана страхом, на укоренившиеся формы социального опыта смотрят с подозрением, в то время как новых, особенно тех, которые были бы признаны общепринятыми, ещё нет в достаточном количестве, и они не торопятся появляться. Те немногие неочевидные методы, которые появляются в результате се-

13 Foucault M. The History of Sexuality. – London: Penguin, 1990. – Vol. 1: An Introduction. – Pp. 40-44, 103-107.

годняшней неразберихи, только ухудшают положение субъектов постмодерна, так как добавляют свои собственные, зачастую неразрешимые, противоречия.

Таким серьёзным противоречием, по Бауману, является противоречие между объектом и субъектом сексуальности. Культура постмодерна превозносит удовольствия секса и призывает наполнить каждый уголок и трещинку жизненного пространства эротическим смыслом. Это побуждает искателя острых ощущений, дитя постмодерна, полностью раскрывать свой потенциал сексуального субъекта. Но при этом та же культура однозначно запрещает рассматривать другого искателя ощущений как сексуальный объект. Проблема состоит в том, что в каждом эротическом общении мы являемся и субъектами, и объектами желания, и никакое общение невозможно без принятия партнёрами обеих ролей или, что ещё лучше, слияния их в одну. Противоречащие друг другу культурные послышки в неявной форме подрывают то, что в явном виде восхваляют и поощряют. Таким образом, сегодня уже неясно, что есть «норма» и какой вариант «следования норме» помог бы их излечить, делает вывод Бауман.¹⁴

Энтони Гидденс пишет, что сексуальность и воспроизводство в прошлом структурировали друг друга. До тех пор пока она не стала глубоко социализированной, репродукция была внешней по отношению к социальной активности как биологический феномен; она организовывала систему родства, равно как и сама организовывалась ею, и она связывала жизнь индивида с преемственностью поколений. Будучи прямо связанной с воспроизводством, сексуальность выступала посредником с трансцендентным. Сексуальная активность выковала связь с конечностью существования индивида и в то же самое время несла в себе обещание её неуместности, потому что рассматриваемая в отношении цикла поколений, индивидуальная жизнь была частью более широкого символического порядка. «Для нас сексуальность всё ещё несёт в себе отголосок трансцендентного. И всё же она обязана быть окружённой аурой ностальгии и разочарования. Цивилизация, увлечённая сексуальностью, это такая цивилизация, где смерть становится лишённой своего значения; жизненная политика в этой точке подразумевает обновление духовности. С этой

¹⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – С. 299.

точки зрения сексуальность является не антитезой цивилизации, посвятившей себя экономическому росту и техническому контролю, а воплощением её неудачи».¹⁵

Заключение

Таким образом, в обществе фрагментированных индивидов трансцендентное исчезает, идея прогресса воспринимается с иронией и сарказмом, секс и эротика лишены связи с вечным и бессмертным. Жизнь «здесь и сейчас» порождает «лёгкое» отношение к интимной сфере человеческой жизни. Сексуальность стала объектом вторжения культуры, которая подчинила и колонизовала её. В эпоху post-modernity половые характеристики личности, как и другие её аспекты, не являются данными раз и навсегда, они должны быть выбраны и могут быть отвергнуты, если считаются неудовлетворительными. Этот аспект, как и другие элементы личности постмодерна, недостаточно определён, открыт для изменений и потому является областью неуверенности, источником беспокойства и переоценки ценностей.

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бурдьё П. Начала // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast>.
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

15 Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.

5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4. – 464 с.
6. Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
7. Серёгин К.С. Исследование роли понятийного мышления в личностной рефлексии подростков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2012. – № 2-3. – С. 125-137.
8. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. – Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
9. Bauman Z. On Postmodern Uses of Sex // Theory, Culture & Society: Love & eroticism / Ed. by M. Featherstone. – London: Sage Publications, 1999. – Pp. 19-35.
10. Foucault M. The History of Sexuality. – London: Penguin, 1990. – Vol. 1: An Introduction. – 107 p.
11. Inglehart R. F., Norris P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 227 p.
12. Zeldin Th. An Intimate History of Humanity. – New York: Harper Collins, 1994. – 613 p.

Family, erotic, sex and love in the postmodern era

Volkov Vladimir Nikolaevich

Full Doctor of Philosophy,
professor of the department of management, socio-cultural activities and tourism,
Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism,
P.O. Box 123007, 5-th Magistral'naya str., No. 5, Moscow, Russia;
e-mail: vnickvo@gmail.com

Abstract

The evolution of modern society is bound to the development of human sexuality. As economic needs shifted and classes formed, the role of reproduction in sexual relations began to wane while the notion of romantic love for personal

fulfillment gained significance. Industrialization and advancements in contraception radically altered interactions between men and women. Contemporary ideas about sexuality, as the relationships between sex, love, gender, and intimacy are a direct result of post-modernity. What was once private was now being brought into the light of the public domain. During the nineteenth century, relationships that were once initiated due to financial need or the pull of procreation began to revolve around passion and courtship. Modern social institutions continue to sustain traditional values of sexuality, both feminine and masculine. Yet the evolution of the intimate relationships hope that radical changes in society can be achieved one day.

For citation

Volkov, V.N. (2014), "Family, erotic, sex and love in the postmodern era" ["Sem'ya, erotika seks i lyubov' v epokhu postmoderna"], *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke (Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being)*, No. 3, pp. 35-57.

Keywords

Family, marriage, sex, intimacy, sensuality, love, modernity, postmodernity.

References

1. Bauman, Z. (2005), *The Individualized Society. Trans. from Eng. [Individualizirovannoe obshchestvo. Per. s angl.]*, Logos, Moscow, 390 p.
2. Bauman, Z., Featherstone, M. (1999), "On Postmodern Uses of Sex", *Theory, Culture & Society: Love & eroticism*, Sage Publications, London, pp. 19-35.
3. Bourdieu, P., "The Beginnings" ["Nachala"], *Sociological space of Pierre Bourdieu*, available at: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast>
4. Foucault, M. (1990), *The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction*, Penguin, London, 107 p.
5. Foucault, M. (1998), *The Care of the Self: The history of sexuality. Trans. from French. Vol. 3 [Istoriya seksual'nosti-III: Zabota o sebe. Per. s fr.]*, Dukh i litera, Grunt, Kiev; Refl-buk, Moscow, 288 p.

6. Giddens, E. (2004), *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Trans. from Eng.* [*Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh. Per. s angl.*], Piter, St. Petersburg, 208 p.
7. Inglehart, R. (1997), "Postmodernism: Changing Values and Changing Societies" ["Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva"], *Polis*, No. 4, pp. 6-32.
8. Inglehart, R., Welzel, C. (2011), *Modernization, Cultural Change and Democracy: A sequence of human development* [*Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*], Novoe izdatel'stvo, Moscow, 464 p.
9. Inglehart, R.F., Norris, P. (2003), *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World*, Cambridge University Press, Cambridge, 227 p.
10. Sennett, R. (2002), *The Fall of Public Man. Trans. from Eng.* [*Padenie publichnogo cheloveka. Per. s angl.*], Logos, Moscow, 424 p.
11. Seregin, K.S. (2012), "Research of the role of conception thinking in teenagers' personal reflection" ["Issledovanie roli ponyatiinogo myshleniya v lichnostnoi refleksii podrostkov"], *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya (Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches)*, No. 2-3, pp. 125-137.
12. Zeldin, T. (1994), *An Intimate History of Humanity*, Harper Collins, New York, 613 p.